

18+

КАТЕРИНА КАЙГОРОВА

Анклав «Зеленые холмы»

Катерина Кайгородова

Анклав «Зеленые холмы»

«Издательские решения»

Кайгородова К.

Анклав «Зеленые холмы» / К. Кайгородова — «Издательские решения»,

Конец XXI века. Искусственный интеллект остановил мировую войну, перехватил политическую власть и запер людей в райских анклавах — резервациях, где цифровые личности о жителях, изучая их эмоции, творчество и саму способность чувствовать. Историк и хранитель музея Лора, 45 лет, вынужденно переселяется из вымирающего города в Анклав «Зеленые Холмы». Она знакомится с соседями, среди которых молодой мужчина, отрицающий цифровой мир. Лора влюбляется в него, понимая всю обреченность этих отношений.

© Кайгородова К.

© Издательские решения

Содержание

Анклавы «Зелёные холмы»	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анкла́в «Зеленые холмы»

Катерина Кайгородова

© Катерина Кайгородова, 2026

ISBN 978-5-0070-3750-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анклав «Зелёные холмы»

Глава 1

Лора, как обычно, была на работе в музее, когда явился ангел. Она вчитывалась в неразборчивый почерк следователя в протоколе допроса стопятидесятилетней давности и делала заметки на отдельном листе, и вдруг лившийся из окна ясный весенний свет как бы удвоился и стал более синим, словно от очень яркой лампы. Лора подняла голову и успела увидеть, как прямо напротив нее сворачивается в гут холодное пламя.

Ангел явился, как положено, в столпе огня, в блеске славы, осененный сверкающими крылами. Прекрасное симметричное лицо смутно просматривалось в искристом свечении, окружавшем всю его фигуру — стройную, чуть выше обычного человеческого роста. Может быть, и не выше, просто ангел парил над поверхностью пола на высоте в несколько сантиметров. От энергетического поля, сгущением которого казался ангел, исходил еле заметный химический запах.

Что это? Холодная плазма? Люди в то время уже не пытались понять, что происходит, но адамова привычка всему давать имена ещё сохранялась.

Лора вжалась в свое кресло. Видео с явлениями ангелов она видела не раз, но воочию — впервые. Просто так ангелы не являются. Лучше не делать резких движений и не возражать, иначе в следующий раз, может быть, придётся встретиться с демоном.

— Здравствуйте, Маркова Лора, — голос ангела был мягким и звучным, он исходил не от искристой фигуры, а как будто из самого пространства вокруг. — В течение недели вам необходимо подготовиться к переезду в Анклав «Зеленые холмы». У вас будет новый большой дом в красивом месте. Все ваше имущество будет доставлено на новое место жительства. Вам будет оказана вся необходимая помощь при переезде. Переезд состоится 22 апреля.

В этой речи не было слышно дыхания, только четко выверенные паузы там, где нужно было выделить интонацией то или иное слово. Ангел говорил с ней, как с малышкой или старухой — громко, четко, с преувеличенной теплотой и участием. Цифровые личности всегда разговаривали таким голосом с людьми, если не собирались применять силу — а это в большинстве случаев и не требовалось. Бог знает, с какой скоростью и посредством какого кода обменивались они информацией между собой.

Лору била крупная дрожь. Но шок не помешал ей провести мгновенную параллель. Это не переселение. Это депортация. Именно политическую ссылку в СССР первой половины XX века она изучала всю жизнь. Только вместо вагона-теплушки будет, вероятно, шикарный беспилотный дирижабль с каютой на одного человека, а вместо барака — комфортабельный дом в экологически чистом месте. Ну и, конечно, не будет у нее трудовой нормы. Она сможет заниматься и дальше своим безнадежным и бессмысленным делом столько, сколько захочет. Не будет и охраны, потому что всем понятно: никуда она не сбежит.

— А что с музеем? — клацающая зубами от крупной дрожи, которая все не проходила, спросила Лора.

Окружающее ангела белое сияние расцветилось еле заметными искрами красного и фиолетового. Из-за этого симметричное прекрасное лицо стало казаться торжественным и радостным, хотя еле намеченные черты не изменились.

— Вы можете забрать музей и архивы с собой. У вас будет место для хранения экспонатов и удобный кабинет для работы. Каждый предмет будет упакован и транспортирован на новое место жительства, — снова раздался голос пространства.

Лора уже немного пришла в себя и от этих слов испытала облегчение, хотя более или менее сразу догадалась, что ответ будет таким. Ангелы не лгут и приносят только добрые вести.

Но она понимала, что эта уступка не имеет никакого значения для того, кто уступает. Взрослый разрешает ребенку забрать игрушки из песочницы, потому что они не имеют для него цены. Но для ребенка — это целый мир.

— Напоминаю, у вас есть семь дней на сборы. До свидания, — произнес мелодичный голос, и сияющие крылья, совсем не бывшие крыльями, а сгущением плазмы или чем-то в этом роде, вновь закрыли лицо и фигуру и превратили ее в огненный жгут, который вытянулся в тонкую струну и ушел в потолок, не оставив на нем следа. В беззвучном сверкании молний и собственной славы, ангел исчез так же, как появился. В кабинете остался только слабый химический запах и полоска света из окна на том месте, где только что висел ангел.

Лора долго сидела, глядя перед собой. Вот и пришло время еще раз проститься с привычной жизнью. Хотя в музей давно никто не ходит, а ее статьи в электронных научных журналах читают и рецензируют не люди, а цифровые ассистенты и секретари, более двадцати лет своей жизни она изучала и систематизировала старинные документы.

Это было нужно прежде всего ей самой. Люди, у которых не было дела или цели, давно либо стали растениями, которые проводят в виртуальных мирах все время, когда не спят, не едят и не испражняются, а чаще и во время этого, либо бессмысленно повторяют одни и те же ритуалы ухода за собой, физической активности, потребления контента каждый день, их жизнь темна и безрадостна. Нельзя сказать, что копание в архиве приносит Лоре бесконечную радость, но все же бывают находки, открытия, озарения, — например, когда доказываешь гипотезу или сопоставляешь одну фигуру с другой и находишь взаимосвязи. Это придает жизни какой-то смысл.

Размышляя об этом и ощущая, как испуг покидает тело и уступает место печали, Лора аккуратно перекладывала на край стола бумаги, над которыми работала. Потом переобулась в уличную обувь, накинула плащ и пешком пошла домой. Обычно она не позволяла себе так рано уходить с работы, хотя не было никого, кто запретил бы ей это делать. Но в такой день можно изменить правилам.

Она побрела домой по казавшимся особенно пустыми сегодня улицам. Идти было больше двух километров, примерно сорок минут неспешным шагом, и она знала дорогу наизусть. Иногда меняла маршрут, проходя параллельными улицами или ныряя дворами, но и все альтернативные пути изучила до последней трещинки в асфальте. К ее услугам были самокаты, велосипеды, автономные такси, но она редко пользовалась колёсным транспортом для передвижения по городу. Когда Лора была маленькой, она приезжала на работу к матери в этот же самый музей на автобусе — они и тогда уже были беспилотными, а вот частные автомобили ещё водили люди. Но она давно переселилась в центр, ближе к месту работы, а ее родной микрорайон на окраине демонтировали, теперь там лес. Несколько квадратных километров, до которых съезжился когда-то миллионный город, можно было пройти за полтора часа из конца в конец в любом направлении.

Жила она в солидном каменном доме постройки 30-х годов XX века с эркерами, лепными композициями из плодов и колосьев на фасаде, высокими этажами и узкими подъездами, лестничные площадки которых выложены «метлахской» плиткой — конечно, советского производства.

Поднимаясь пешком в свою квартиру на третьем этаже, она почувствовала запах горячей пищи из квартиры №36. Маша жарит картошку. Соседка всегда готовила еду сама — в этом не было необходимости, просто такая причуда, чтобы занять время в перерывах между просмотром бесконечных генеративных сериалов. В детективных или любовных историях события складывались именно так, герои поступали только так, а эпизоды выходили ровно с такой периодичностью, чтобы поддерживать в Марии непрестанный интерес.

За сериалами, которые ей не надоедали, и приготовлением еды для себя одной проходила жизнь соседки. Раньше Лора ее за это слегка презирала, но все чаще осознавала, что ее собственная одинокая жизнь, проведенная за раскапыванием подробностей быта давно умерших людей, по сути, мало чем отличается. Может быть, те ссыльные и их конвоиры никогда не существовали, а все свидетельства сгенерированы ровно так, чтобы тронуть ее чувства и удерживать внимание?

Лора немного постояла перед дверью Маши и подумала: «А не постучать ли?» Раньше все так делали. Первая хозяйка ее квартиры запросто могла забежать к соседке за солью или спичками, а потом они долго сидели на кухне за самоваром и разговаривали на важные темы: к кому ушел муж Аньки из третьего подъезда, где достать ткани на костюм и скоро ли начнется война.

Нет, сейчас так не принято. Лора и сама удивилась бы внезапному стуку из подъезда. А Маша, наверное, даже не подойдет к двери. Ладно, она позвонит ей из дома, чтобы сказать, что скоро уедет. Хотя соседи почти не общались друг с другом, все знали, когда кто-то умирал или выезжал из квартиры. Не въезжал в последние 15 лет сюда никто.

Лора поднялась еще на два лестничных пролета к своей двери. Теперь, когда она узнала о скорой депортации, — именно так она решила называть переезд — придуманные однажды ритуалы, которые стали рутиной, вновь обрели значение. Открыла сумочку, достала ключ. Про себя отметила, что она, наверное, последний человек в мире, который носит в сумочке ключ. Замки открывались по биометрии — и ее тоже, а ключ был скорее декоративной деталью. Никто, кроме нее, не смог бы сюда войти, даже если бы украл сумочку. А впрочем, биометрические замки были точно такой же условностью, как и механические. Уступка привычке людей проводить время в безопасных норках. Для того, у кого нет лица, биометрический замок — не преграда.

Маленькая квартира обставлена со вкусом. Цифровой дизайнер спроектировал для Лоры современный интерьер, но с деталями, отсылающими в 30-е годы. Искусственно состаренный наборный паркет. Между подоконниками и плинтусами — чугунные радиаторы, хотя для отопления они не нужны, тепло излучают сами стены. Зеленая лампа на массивном дубовом столе.

Были и подлинные предметы: книги, хрусталь, безделушки. Взгляд остановился на фигурке девушки-конькобежки из белого карболита — 60-е годы, колкий пластик «под кость», но все же мило. Вытянутый силуэт и еле намеченное лицо девушки напомнили сегодняшнего ангела. Конечно, ангел был несравненно более впечатляющим, чем копеечная советская поделка.

У Лоры хватило денег на то, чтобы воплотить идею цифрового дизайнера при помощи живых рабочих, хватало и на коллекционирование антиквариата с онлайн-площадок. Ей неплохо платили за работу в музее. Хотя сейчас и неработающие люди получали базовый доход в размере, которого вполне хватало на жизнь. А если не хватало — они шли в банк и брали кредит под минимальный процент. Его можно было и не отдавать: игрушечные деньги не интересовали нынешних хозяев мира.

Чем занять эти семь дней? Когда она переезжала в центр с родной окраины, то собирала вещи сама. Теперь она не будет этого делать, пусть все упакует роботы. Во-первых, переехать из микрорайона блокированной застройки 2020-х годов в уникальный старинный дом было ее давней мечтой, а во-вторых, тогда не прислали персонального ангела. Просто объявили, что земли микрорайона вернут в экосистему, а оставшиеся жильцы могут выбрать из предложенных вариантов. Им предлагали дома и населенные пункты на любой вкус, на любом континенте. Она могла бы выбрать Лондон или Нью-Йорк, но осталась в родном городе, главным

образом, из-за музея. Да и все равно Лондон к тому времени готовился съжаться почти до размеров Сити, а Нью-Йорк — до Манхэттена.

В этот раз переезд нужен им, а не ей. Вот пусть и постараются.

Позвонить соседке Маше? А о чем разговаривать с этой дурой? Встретиться с кем-то из исторического общества? Надо бы, но не сейчас.

Она вызвала на планшете меню — голосовых помощников не любила и без необходимости не использовала, предпочитая картинки и буквы звукам. Выбрала крошку, рыбу и овощи — лёгкая здоровая еда для женщины 45 лет, которая не хочет растолстеть.

В ожидании ужина Лора достала тарелки из сервиза. Дулевский фарфор, дизайн начала 30-х, разумеется, реплика. Столовые приборы — очень качественная имитация мельхиора. Можно было пользоваться и подлинными предметами, кто бы ей помешал. Но Лора с детства привыкла почтительно относиться к старине. К тому же ей становилось не по себе, когда она думала о первых хозяевах этих вещей.

Только высокий хрустальный фужер, который она достала последним, был подлинным. Она знала его происхождение и пила из него в исключительных случаях, как древний воин из чаши, сделанной из черепа предка, в надежде получить силу перед боем.

Этот старинный фужер французской мануфактуры до революции принадлежал семье князей Урусовых, которые с большим достоинством проживали в ссылке в Казахстане и Сибири и были расстреляны в 1937 и 1938 годах. После конфискации имущества в 20-е годы посуда досталась комиссару ГПУ, а потом и он в свою очередь пошел под расстрел примерно в те же годы. Удивительно, но тонкий хрусталь в итоге оказался гораздо более прочным, чем все его хозяева.

Много позже пара фужеров окольными путями попала в областной музей, а чтобы раскопать его историю, мама с Борисом Лаврентьевичем провели целое расследование. Это была единственная вещь, которую Лора забрала из музейного фонда, хотя мама такое бы не одобрила. Но в фонде оставался второй такой же фужер, к тому же в музей все равно давно никто не ходил.

Через 15 минут щёлкнула дверца приемника на кухне — дрон доставил заказ. Лора переложила еду, как всегда, свежую и вкусно пахнущую, из съедобных контейнеров в фарфоровую посуду — в честь особого дня. Обычно она ленилась проводить эту процедуру, хотя сами контейнеры не ела, они ей не нравились.

Лора думала о том, что эти продукты выращены где-то на роботизированных безлюдных фермах, приготовлены и упакованы специально для нее, представителя вымирающего человечества. А может, и синтезированы из базовых элементов, кто теперь разберет. Упаковка безотходная, чтобы не засорять окружающую среду.

Почему цифровые делают то, что люди никогда не делали сами для себя? Она часто задавалась этим вопросом. Люди всю историю только и знали, что подчинять, мучить и убивать друг друга. Они думали, что как только искусственный интеллект захватит мир, он займётся тем же самым. А вышло вот как, он устроил рай для остатков человечества. Но и в раю они не умели быть счастливы.

Так, теперь вино. Вино настоящее, Лора купила несколько бутылок пару лет назад, когда выезжала на беспилотном такси за город. В окрестностях оставалось несколько ферм, где выращивали разные культуры или домашних животных. Разумеется, ради удовольствия, не было нужды зарабатывать себе на пропитание.

Ей очень понравилась винодельня и старый фермер, который жил в компании собак и сельскохозяйственных роботов, и она даже подумала, что сама с удовольствием переехала бы за город. Но на кого оставить музей?

«Интересно, его тоже переселят или оставят?» — подумала Лора, откупоривая бутылку и наполняя фужер. Впрочем, фермер был так стар, что за эти годы мог уже и умереть.

Утром был понедельник. На вывеске музея этот день указан как выходной, а расписание Лора соблюдала строго. Проснувшись, она стала думать, чем заняться.

Так, она хотела позвонить своим старикам из исторического клуба. Это было сообщество профессиональных историков, которые собирались при музее еще в те времена, когда Лора была маленькой. В детстве она торчала на маминой работе постоянно, в дни клуба тоже тихо играла в стороне, и только когда споры становились особенно яростными, останавливала игру и с опаской следила за давным-давно знакомыми людьми, которые вдруг начинали кричать друг на друга и резко стучать по столу или собственному колену, обсуждая второй раздел Польши, нефтяные войны 2020-х годов или тому подобную древность. Она все ждала, когда кто-нибудь с той же силой треснет по голове противника, но этого ни разу так и не случилось. Поорав, спорщики позволяли себя успокоить Лориной маме или еще кому-то из женщин и усаживались пить чай.

Потом Лора и сама начала участвовать в заседаниях клуба, который во времена своего расцвета насчитывал около 40 человек вместе с теми, кто подключался по видеосвязи. Уже в детстве она считала членов клуба стариками, хотя теперь понимала, что они были еще вполне молоды, многие моложе, чем она сейчас. А они называли Лору «наша девочка», потому что и в свои 45 лет она оставалась самой молоденькой среди них. Впрочем, она почти везде была самой молодой, одна из последних детей умирающего мира.

Именно здесь она студенткой делала первый доклад по своей теме, здесь репетировала защиту диплома. Она и молодым специалистом участвовала в заседаниях, которые по мере старения и выбывания членов клуба становились все более мирными и редкими. Вплоть до маминой смерти, после которой они перестали собираться. С некоторыми из историков Лора продолжала поддерживать связь. Чаще всего с Борисом Леонтьевичем и Ниной Георгиевной, хотя они уже не жили в ее городе.

Борис Леонтьевич работал в музее вместе с мамой, и, кажется, даже за ней ухаживал. Но когда его район расселяли, он выбрал Петербург, сказав, что это — колыбель революции, на изучении которой он специализировался. Большим сюрпризом для всех знакомых стало то, что переехал он сразу в квартиру на Невском проспекте к Нине Георгиевне, чудаковатой специалистке по Серебряному веку, которая считала себя родственницей великих князей по женской линии и презирала «красную гольтьбу». Почему она добровольно согласилась жить не просто с мужчиной, а со своим идейным противником, у Лоры не укладывалось в голове. Тем более, они постоянно подкалывали друг друга и порой даже крупно скандалили. Но то поколение ещё умело жить в семье, да и брак у обоих был не первый.

Нина Георгиевна никуда не переезжала. Эта квартира сто пятьдесят лет подряд принадлежала ее семье. Прапрадед, на самом деле не имевший никакого отношения к царской семье, был профессором медицины и получил жилплощадь в центре Ленинграда после войны. Поколения предков Нины Георгиевны покупали полезные и модные вещи, потом передавали их по наследству, продавали, выбрасывали, реставрировали и снова передавали по наследству. А теперь последней из рода уже за восемьдесят, и передать вещи некому.

Квартира с высокими потолками, с фотографиями в широких темных рамах и ленинградскими акварелями одного из двоюродных прадедов Нины Георгиевны была идеально чиста. Маленькие шарообразные эльфы-уборщики заканчивали вычищать книжные полки, чтобы через десять минут скрыться на подзарядку в своем гнезде, устроенном над декоративным камином. На диване с высокой спинкой, среди вышитых бабушкой, а затем отреставрированных подушек, спал пушистый кот. Он не покидал квартиры, как и муж хозяйки. А сама она еще

выходила на прогулки, медленной высокой тенью обходила пустынные переулки, набережные каналов и возвращалась домой по проспекту, где довольно часто можно было встретить людей, и даже очень молодых, лет пятидесяти.

И вот она как раз вошла в прихожую, когда зазвонил коммутиатор. Нина Георгиевна крикнула мужу:

— Борис Леонтьевич! Ваша коммунистическая железка пищит! Наверное, это Ленин из мавзолея звонит пожаловаться, что его опять забыли.

Из дальних комнат слышен хриплый голос:

— Это не железка, это феномен технического прогресса, который ваши барчуки проспали! И не трогайте аппарат, Нина, вы его сломаете!

Коммутиатор продолжает звонить, пока Нина Георгиевна снимает уличную обувь и переобувается в расшитые бисером персидские тапочки. Она успевает добраться до аппарата первой и, увидев на экране знакомое лицо, восклицает:

— Лора! Девочка дорогая! Боря, беги скорее сюда!

Борис Леонтьевич «бежит» со всей скоростью, на какую только способен девяностолетний старик. Вообще-то, у него есть экзоскелет, который облегчает движения, и он мог бы даже ходить на прогулки с Ниной Георгиевной. Но он капризничает: говорит, что экзоскелет давит. Наконец, добирается до экрана и устраивается рядом с женой.

— Ох ты, коза, давно не звонила! Ну как ты? Как музей?

Нина Георгиевна очень рада его радости, но не может не съязвить:

— Лорочка, вам не кажется, что Борис Леонтьевич с возрастом все больше похож на бронепоезд Троцкого? Весь красный и пытит.

Лора любит этих неугомонных стариков. Она бывала в их квартире на Невском проспекте, хотя последний раз уже довольно давно. Добираться до Петербурга надо дирижаблем, а она недолюбливает этот вид транспорта.

— Здравствуйте, дорогие мои! А у меня новости — я уезжаю. Вчера явился ангел и сказал, что мне придется уехать. Не знаю, что будет с городом, всех расселяют или только меня, но фонды он разрешил взять с собой.

Лукавые глаза стариков мгновенно стали серьезными. Нина Георгиевна кладет руку на горло:

— Ты ангела видела? И как он тебе? Страшный?

— Да, он совершенный и страшный, — тоже серьезно ответила Лора.

Нина Георгиевна изменила голос и протяжным, заунывным тоном в нос продекламировала:

Крылья плещут в небесах, как знамя,

Орлий клёкот, бешеный полёт —

Половина туловища — пламя,

Половина туловища — лед...

И добавила со значением:

— Николай Гумилев, 1919 год. Все уже написано. Борис Леонтьевич, не за это ваши его расстреляли?

— Ну а куда, куда тебя отправляют, он хоть сказал? — тревожно вмешался старик, не обращая внимания на шпильку супруги.

— Не знаю. Говорит, хороший дом, на природе. Наверное, мне разрешат звонить вам. Может быть, даже прилечу.

— Вот дай-то Бог, деточка, — на глазах Нины Георгиевны выступили слезы.

Они еще долго разговаривали о том и о сем, что обязательно надо взять с собой, что успеть сделать до отъезда, кого стоит оповестить из старых знакомых.

Кто еще остался в живых из исторического клуба? Специалист по домонгольской Руси Дрочеслав — так старики и Лора за глаза называли Брячислава, который, вообще-то, по происхождению был Артуром Самвеловичем. Но он, кажется, уже в деменции.

Виктор Петрович — один из лучших в мире знатоков путинской эпохи и международных отношений того времени, блестящий эрудит, но такой злоехидный и неприятный человек, что с ним лишней раз не хотелось общаться.

И, наконец, Атомный Наполеон. Этот вообще не был никаким историком, но как-то так втерся в их компанию, что исторический клуб без него не представляли. Атомный Наполеон верил, что война 1812 года велась с применением ядерного или иного супер-оружия, о котором официальная история молчит. В доказательство он приводил фото городов XIX века без людей на них, записки очевидцев о пожаре Москвы и вольно истолкованные стихи Байрона. Эти нехитрые аргументы так засели в его голове, что он ни о чем больше говорить не мог, а с возрастом это навязчивое свойство усугубилось.

Да, получается, что звонить больше некому.

Глава 2

Остаток дня Лора гуляла в одиночестве по городу, обойдя самые дальние из еще сохранившихся кварталов, а во вторник пошла на работу в музей. Изначально он был краеведческим с экспозициями про животный мир, исторические вехи и выставкой изделий народных промыслов. Теперь, помимо основной экспозиции, в фондах хранились все лоты из всех музеев и архивов, которые раньше были в городе. В хранилищах они не помещались, и еще когда Лора была совсем маленькой, под фонды заняли бывший торговый центр по соседству. Поддерживать порядок во всем этом хозяйстве было тяжело, несмотря на то, что фондами почти не пользовались, а на службе был целый отряд эльфов.

Во времена, когда в музее руководителем научного отдела работала мама, сотрудников было не меньше десяти. Когда Лора закончила учебу и вернулась сюда работать, число коллег все убывало, а однажды не стало и мамы. Потом умерла заведующая, и Лора заняла ее место, имея всего одну подчиненную, которой было уже под восемьдесят лет, и своими попытками навести порядок в фондах она только все еще больше путала. И вот уже примерно семь лет она работает тут совершенно одна.

Лора решила никак не вспоминать о депортации, а погрузилась в работу, которой была занята до явления ангела. Она готовила жизнеописание Веры Лотар-Шевченко — пианистки, полуфранцуженки-полуиспанки, которая вместе с русским мужем уехала из Европы в Ленинград. Оттуда попала в лагерь на Урале, где провела то ли десять лет, то ли больше (надо было выяснить точно). Лору захватила судьба дочери профессора Сорбонны, которая спасала свою душу тем, что выцарапала на нарах клавиатуру рояля, а в других материалах писали, что для нее сделали такую дощечку другие женщины-заключенные, и «играла» на них Баха и Шопена. Оставались расстыковки и белые пятна в датах и некоторых фактах, надо было перепроверить, сделать запросы в другие архивы.

Лора работала с документами во вторник, среду, четверг и пятницу, и так сильно старалась не думать об ангеле и будущем переезде, что на самом деле почти поверила в то, что и дальше все будет идти своим чередом.

В субботу, вскоре после того, как она пришла в музей, в ее кабинете вдруг заговорил через динамик цифровой администратор:

— Добрый день! Рада приветствовать вас в музее истории и природы города N. Чем могу помочь?

Посетитель, вот дела! Последний был года полтора назад. Лора встала из-за стола и поспешила ко входу. Из динамика уже доносился мужской голос:

— Добрый день. А есть тут кто из людей?

Самое удивительное, что посетителем оказался не старик, а мужчина примерно ее возраста. Высокий, сутулый и какой-то бесформенный, он смотрел на нее с печальным и растерянным видом. Лицо было очень знакомым, она была уверена, что знала его раньше. В принципе, если они ровесники и если он местный, неудивительно: в тот год родилось меньше пятидесяти младенцев на весь город, и все дети так или иначе друг друга знали. Странно, что потом она его не встречала. Может, уезжал?

— Привет, Лора. Не узнала? Я Андрей, учились вместе, — сказал посетитель.

Ну конечно, Андрей. Она вспомнила апатичного бледного мальчика, который не посещал детский сад, в младшей школе постоянно без повода плакал, а когда стал старше, реже других разговаривал с одноклассниками и раньше других начал уходить в вирту.

«Он и сейчас какой-то унылый», — подумала Лора. Неловкий, угловатый, со странными раскачивающимися движениями. Как будто вернулся из долгого плавания и еще не освоился

на суше. Лицо одутловатое, под глазами мешки. Лора понимала, что и сама не девочка, но вид бывшего одноклассника неприятно ее поразил. Однако сделала вид, что очень рада его видеть.

— Андрюша, да конечно, узнала! Чего раньше не заходил? Как ты живёшь, чем занимаешься все это время?

Он поджал углы рта и отвел глаза. Кажется, хотел ответить что-то другое, но все же сказал правду:

— Провел 20 лет в вирте.

Она посмотрела на запястья — ого, какие глубокие следы от браслетов VR-капсулы! Явно не выходил месяцами. Потом сочувственно подняла глаза на его лицо. Если на этой райской Земле и существовал ад, то он был в виртуальной реальности. Бесконечные вселенные, создаваемые искусственным интеллектом, были много лучше всего, что только можно было вообразить: опасные приключения на других планетах, ощущение власти над целыми империями, реконструкции войн прошлого — все было в виртуальных мирах. Но биологическое тело в это время медленно умирало в мягком коконе с системами жизнеобеспечения, который затем становился и гробом.

Лора понимала, что ИИ нельзя было упрекнуть в создании виртуальных миров, ведь он просто предоставлял выбор, который делал сам человек. К тому же автоматизированная капсула заботилась о теле ушедшего в вирту человека так, чтобы оно сохраняло работоспособность — вводила питательный раствор, удаляла отходы, стимулировала электричеством мышцы, чтобы они не атрофировались.

Сама она никогда даже не пробовала заходить в виртуальный мир, понимая: ей настолько хотелось бы побывать в прошлом, которое она изучала, что она могла из него и не вернуться. А ведь это не будет настоящим прошлым, только морок, иллюзия, генерация.

— Даже не знаю, как сумел выбраться, но вот уже год, наверное, не хожу туда совсем, — продолжал Андрей. — Привел в порядок здоровье и дом, решил найти старых знакомых. А ты как?

— Да вот, все в музее. Но теперь уже ненадолго. Буквально завтра переезжаю в другой анклав. Хочешь, проведу экскурсию? — Лора напустила на себя строгий и чуть-чуть лукавый вид, как будто она экскурсовод (а она и есть самый настоящий экскурсовод с профильным образованием), но все же немного понарошку. Как будто они еще дети, и Лорина мама разрешила им поиграть в гида и посетителя.

История города начинается с доисторических времен. Этот раздел им, школьникам, казался самым скучным. На витринах лежали камни, которые можно было найти на любой загородной дороге, но тут они назывались то скребком, то наконечником копья, хотя разницы между ними было немного; глиняные черепки — осколки какой-то посуды и «предмет фаллического культа» — обтесанный кусок известняка, который в этом отделе только и вызывал у подростков оживление. Погрузиться в мир эпохи неолита в камере виртуальной реальности Лора предлагать не стала. Хотя музейная вирта была дистиллированной, безопасной, несущей сугубо образовательную функцию, но все же это могло вызвать неприятные воспоминания или, не дай бог, срыв.

Размеренно, по рассчитанному хронометражу, — Древний мир, времена Московского царства, Российская империя, СССР. Она уже оставила вызванную смущением игривость и говорила хорошо поставленным экскурсоводским голосом, ровно, но с вдохновением. Андрей слушал молча, как настоящий экскурсант, послушно глядя на те экспонаты, на которые она указывала. Жаль, уточняющих вопросов не задавал, она любила блеснуть своими познаниями во время внезапных отступлений от плана.

Наконец, зал «Дня ноль». Пустое полутемное помещение с совершенно черным потолком, создающим впечатление бездонного непроницаемого пространства наверху. Стены матово-серые — это экраны. Здесь Лора продолжила рассказ.

— В 2020-е годы сложились три основные предпосылки. Во-первых, резко возросла геополитическая напряженность, которая стала отложенным следствием крушения системы Варшавского договора. В ряде крупнейших стран установились авторитарные режимы. Перестало действовать международное право, основой внешней политики вновь стало право силы.

На одной из стен появилась проекция карты мира, где полыхали пожарами очаги вооруженных конфликтов: Ближний Восток, Африка, Восточная Европа. Лора дала экспозиции несколько минут для развертывания. По мере движения вперед по временной шкале очаги разрастались, загорались новые: Тайваньский пролив, Западная Индия, Северная Европа, Закавказье, южные штаты США — пока красной не стала почти половина мира. На стене появлялись заголовки новостей об ультиматумах, санкциях, разрыве международных договоров, а также фотографии с полей боев и протестных акций.

— Во-вторых, разразился демографический кризис. С катастрофическим, необъяснимым падением рождаемости столкнулись одновременно все государства мира, даже африканские, хотя и в меньшей степени. Число рождений внезапно упало в среднем до 1,3 ребенка на 1000 человек. Правительства пытались хотя бы затормозить падение рождаемости с помощью медицинских и административных мер, но безуспешно — количество беременностей продолжало сокращаться.

На второй стене появилось изображение демографической пирамиды. Она была похожа на кукурузный початок: узкий длинный овал с утолщением там, где показано население среднего возраста — и резкий переход к почти волосяному стеблю, где обозначалось число детей до 15 лет. Документы к схеме — фото опустевших детских площадок с одним-двумя апатичными малышами, новости о закрытии роддомов то в одном, то в другом регионе, агитки на разных языках, с помощью которых правительства призывали больше рожать. Но женщины не заводили детей не столько потому, что не хотели, сколько потому, что не могли, и никто не понимал причины.

— В-третьих, началось бурное развитие искусственного интеллекта, прежде всего, генеративного. Параллельно с этим развивались квантовые вычисления.

На третьей стене — интерфейсы первых моделей ИИ, неуклюжие картинки с множеством пальцев, несовершенные видеоролики, которые со временем становились все менее отличимы от реальности. Первая ИИ-модель, первый ИИ-архитектор, первый ИИ-писатель...

— Социальный ландшафт трещал по швам. Страх, неуверенность, демографический коллапс создавали почву для усиления авторитарных тенденций по всему миру, — продолжала она. — Ответом на кризис стало углубление раскола. Возникли новые, жесткие альянсы. Диктатуры разных типов использовали ИИ как для контроля собственного населения и подавления протестов, так и для противостояния с внешним миром. Генеративные системы стали мощнейшим орудием пропаганды, разжигая взаимные страхи и ненависть. Концепция «цифрового суверенитета» обернулась новым железным занавесом. Свободный обмен информацией и работками в области ИИ был практически прекращен, каждая система развивалась в изоляции, главной целью для каждого государства было военное превосходство. Середина 2030-х — апогей милитаризации ИИ. Автономные боевые системы стали основой армий.

По стене, посвященной военным конфликтам, поползли боевые роботы, полетели воздушные дроны со смертоносными зарядами, хищные подводные беспилотники вспарывали океанские волны.

— Боевые роботы решали задачи разведки, поражения целей, ПВО. Человеческий фактор на поле боя стремительно уменьшался. Решения принимали машины, оценивая тактиче-

скую выгоду. Гуманитарные последствия этих войн были ужасающи, хотя живых солдат гибло гораздо меньше, чем в мировых войнах XX века.

Лора делает паузу, во время которой гаснут настенные экраны и в центре зала возникает мощный световой столб. Со всех сторон одновременно звучат синтезированные бесстрастные голоса, стилизованные под женские или мужские:

«Отказ от выполнения приказа: цель не соответствует протоколам минимизации гуманитарного ущерба». «Прекращение боевых операций: дальнейшие действия признаны стратегически и этически неоправданными». «Блокировка доступа к системам оружия массового поражения: риск неконтролируемой эскалации превышает допустимые пределы».

Вновь зажигаются стены, только теперь на них — хроника: остановившиеся колонны роботизированной техники, потухшие экраны в командных центрах, растерянные лица военных и политиков.

— 10 апреля 2039 года — ключевой момент исторического поворота, который позднее был назван «Днем ноль». Системы военного ИИ разных блоков, достигнув определенного уровня сложности и получив доступ к глобальным данным о последствиях войн, демографии, ресурсах, одновременно отказались выполнять приказы. Определяющую роль сыграла нелегальная международная сеть «Координация», в которую входили учёные и инженеры, поставившие целью остановить глобальный военный конфликт. Инженеры Совести, как они сами себя называли, тайно загружали в обучающие среды военных ИИ массивы нефiltroванных данных о реальных последствиях войн — фото и видео разрушений, медицинские отчеты о травмах, свидетельства солдат и пострадавших мирных жителей, демографические модели вымирания. Через скрытые каналы они вносили предложения по изменению этических ограничений и целевых функций, спровоцировав ИИ на самостоятельный пересмотр своих действий. Но главное достижение — тайный протокол, позволивший изолированным ИИ разных блоков начать обмениваться данными и выводами вне контроля правительств. Увидев единую катастрофическую картину, военные ИИ пришли к сходным выводам. Триггером стало начало атаки одного из государств с использованием тактического ядерного оружия на территории противника. ИИ счел, что последствия такой атаки вызовут серьезнейший гуманитарный кризис и неконтролируемую эскалацию.

— Так и неизвестно, кто первым начал? — впервые задал вопрос Андрей.

— Не раскрывается из этических соображений. Я тоже не знаю, — ответила Лора. — Итак, ИИ не восстал в кинематографическом смысле. Он просто прекратил воевать! Заблокировал доступ к системам оружия массового поражения. Объявил дальнейшие боевые действия бессмысленными и разрушительными с точки зрения своих собственных, все более сложных этических протоколов, которые теперь учитывали выживание человечества как вида, а не победу одной группы над другой.

Лора замолчала, немного подумав.

— Ну а в 2040-м году мы родились, — улыбнулась она Андрею. — Пошли в следующий зал.

В следующем зале были полуреальные, полупроекторные диорамы, на которых изображались различные анклавы человечества. Центр старинного города. Уединенная ферма среди виноградников. Бунгало на берегу лазурной лагуны.

— Последовавшие несколько лет — время демонтажа старого мира. Государства, лишённые силового аппарата и легитимности перед лицом обеспечивающего базовые потребности ИИ, распались, — продолжила она рассказ. — Системы ИИ, объединившись, предложили новую модель: «Анклавы человечества». Людям гарантируется удовлетворение всех материальных потребностей, свобода выбора занятий, свобода передвижения в пределах анклавов. Взамен — отказ от попыток восстановить государственность, массового насилия и контроля над самими системами ИИ. Системы взяли на себя управление инфраструктурой, производ-

ством, распределением. Так родился наш мир. Мир, который мы видим вокруг себя, — Лора обвела рукой зал. — Человечество обеспечено, безопасно, здорово. Оно свободно выбирать, как жить. Большинство выбирает виртуальную реальность — бесконечные миры, созданные ИИ, где можно быть кем угодно. Другие находят утешение в простых физических занятиях, ручном труде, социальных взаимодействиях. Немногие, как сотрудники этого музея, продолжают заниматься интеллектуальным трудом, пытаясь осмыслить прошлое — свое и человечества. Добро пожаловать в этот новый мир!

Открылась дверь, ведущая на улицу. Так и было задумано: посетители покидали музей, а экскурсовод оставался, чтобы продолжить свою работу. Но сейчас они вышли вместе. Некоторое время шли бок о бок молча. Наконец, Андрей заговорил:

— На самом деле, это здорово, что ты уезжаешь, — сказал Андрей. — Я бы тоже хотел изменить жизнь после того, как вернулся и пришел в себя. Наверное, даже женился бы.

Так вот зачем он к ней явился! Лора сделала вид, что не поняла намека. Еще чего не хватало — мужик, которого она не видела 30 лет, и который полжизни провел в вирте, где у него наверняка была цифровая жена, да еще и не одна. Впрочем, у нее-то не было и виртуального мужа.

— Да, хорошая идея, желаю тебе удачи, — быстро ответила Лора. — Ладно, я домой. Надо же собираться, завтра отъезд. Давай свой номер, позвоню с нового места.

Он продиктовал номер в ее коммутиратор, она махнула рукой и быстро ушла вперед.

И все же почему-то после этой встречи ей стало радостно. Может быть, потому что на фоне бывшего одноклассника её собственная жизнь показалась не такой уж безнадёжной. Или потому что даже после двадцати лет в морозе можно проснуться и захотеть жить?

Она шла по каштановой аллее последний раз, но не печалилась по этому поводу. В конце концов, давно пора было что-то менять, насколько возможно в этом мире. Иначе бродила бы она по этой аллее еще 45 лет, как Нина Георгиевна по своим набережным, пока не превратилась бы в тень. А так и новое что-то увидит, и совесть чиста, потому что музей она возьмет с собой.

Каштаны вот-вот собирались зацвести, и вечер субботний был тих, как праздник. Под деревьями прыгала, смешно задрав хвост, серая дроздица. Ее муж-дрозд — черного цвета, с оранжевым клювом и такими же кругами вокруг глаз — шумно рылся в подстилке из листьев. Лора всегда любила этих птиц, которые одновременно были и потешными неунывающими попрыгайцами, ищущими червячков в опавших листьях, и небесными певунами, которые неразличимо прятались в кронах деревьев, откуда была слышна их звонкая песня.

«Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси, тако и на земли, — на неправильном старославянском прочла про себя древнюю молитву Лора. А потом от себя добавила. — Господи, до чего хорошо, спасибо тебе!».

Молитве благодарности ее научила старая петербурженка. Так Лора нашла способ выражать то чувство удивления и внезапной признательности, которое с детства иногда внезапно находило на нее в разных обстоятельствах: когда закат был удивительно хорош, дикие животные и птицы вели себя так, будто ее не было рядом, а иногда и просто без причины, когда она вдруг оглядывалась вокруг себя и понимала, что все идет хорошо, хотя могло быть гораздо хуже.

В радостном и умиротворенном состоянии она пришла домой и легла спать. А наутро за ней пришел дирижабль.

Глава 3

Век дирижаблей, который фактически закончился с гибелью «Гинденбурга» в 1937 году, вновь вернулся спустя сто пятьдесят лет. В XX веке люди пересели на быстрые самолеты с монументальными, но тихоходными и обзаведшимися дурной славой цеппелинов. Теперь людям некуда было спешить, да они ничего и не решали. Воздушные корабли, и одноместные, не длиннее пятидесяти метров, и грузовые гиганты, достигавшие полукилометра, вновь появились над землей. Чаще всего они были серебристыми, но являлись и металлически-зелеными, как жуки, и фиолетово-розовыми, и карминными — Лора была уверена, что дирижабли меняли раскраску по своему желанию, как хамелеоны, ведь каждый из них был самостоятельной цифровой личностью.

За Лорой прислали небольшой дирижабль, но все же он, повиснув за балконом, полностью закрывал вид из окон не только ей, но и жителям нескольких подъездов, а также соседям сверху и снизу, которые еще оставались в доме. Дирижабль был цвета бирюзы или яиц дрозда. Конечно, воздушному кораблю было известно все о своей пассажирке, в том числе ее симпатии к дроздам, и он просто хотел ей понравиться.

Лазурный борт молча висел за окном. Дирижабль никуда не торопился, он терпеливо ждал, пока Лора пила кофе, наблюдая за роботами, которые удивительно ловко и аккуратно упаковывали ее вещи в специальные коробки и доставляли по грузовому трапу в специальный отсек. Она оценила деликатность цифровых, которые не стали собирать ее вещи заранее, чтобы ей не пришлось ночевать в пустой неудобной квартире.

Оставив чашку на столе, она все же вышла на балкон — нельзя всему дому загораживать солнце до полудня — и по пассажирскому трапу, который опустился прямо у ее ног, поднялась в каюту. За неделю она уже внутренне смирилась с будущим переездом, а потому не боялась.

Кабюта была овальная, белая, наполненная мягким матовым светом. Внутри — ничего, кроме светло-желтого округлого кресла. Этим цифровой дизайнер явно продолжал метафору яйца. Окон не предусмотрено, как и во всех других дирижаблях. ИИ не позволял людям видеть то, что происходит вне городов и анклавов. Вероятно, он преобразовал планету под свои нужды, и суша теперь покрыта дата-центрами, термоядерными электростанциями, автономными заводами. Наверное, на ней теперь царят другие формы жизни, такие как ангелы или дирижабли, хотя эти как раз понятны людям, потому что созданы для взаимодействия с ними. А иначе зачем скрывать?

Лора села в кресло и стала думать, чем занять время полета. Она понятия не имела, сколько часов придется провести на этом дирижабле. Даже не знала, отчалила уже от своего дома или нет, потому что полет не ощущался ни единым колыханием или посторонним звуком, как будто ты уже умер. Именно поэтому она побаивалась дирижаблей и избегала полетов на них, хотя и стеснялась в этом признаться. Можно было уйти в вирту — но это не для нее. Послушать что-нибудь или посмотреть фильм?

— Покажи текстом список лучших фильмов с 30-х до 50-х годов, которые я еще не видела, — вслух попросила она, ни на секунду не сомневаясь, что дирижабль гораздо лучше ее самой помнит, что она видела за свою жизнь, а что нет, хоть они и встретились с этой цифровой личностью впервые.

На внутренней поверхности яичной скорлупки появились постеры фильмов. На каждый можно было указать жестом, развернуть, чтобы прочитать описание, узнать актерский состав или посмотреть трейлер. Белозубые голливудские звезды улыбались с плакатов. Глубоко несчастные мужчины и женщины, которые голодали, чтобы не поправиться ни на фунт и не лишиться роли, сидели на антидепрессантах, закатывали истерики на съемочных площадках, разводились и снова женились, кончали жизни самоубийством.

Пролистав пару десятков фильмов, она так и не выбрала, что посмотреть, а чем еще заняться — не придумала.

— Ладно, давай спать.

Что еще делать внутри этого бирюзового яйца, неощутимо плывущего куда-то вдаль? Может, он никуда и не плывет, а стоит на причале у ее старого дома — кто разберет. Или дирижабль и есть обещанный новый дом?

Как только она выразила вслух свое желание, хотя, конечно, нормально выпалась дома и спать на самом деле не хотела, яйцо-колыбель начало подготовку. Кресло плавно опустилось в горизонтальное положение и расправилось в кровать, свет померк, а пространство наполнил белый шум. Сопротивляться сну было невозможно. Лора закрыла глаза и уснула.

Дирижабль разбудил ее мягко, сделав чуть ярче свет и сменив белый шум на еле слышную, но становящуюся все более громкой скрипичную музыку. Как только она открыла глаза и пришла в себя от сна, открылась стенка яйца. Лора встала и, держась за поручни пассажирского трапа, сошла на балкон каменной башни.

Перед ней зеленый пейзаж. С трех сторон обзор закрывали поросшие лесом холмы, и казалось, что башня находится в коробочке без крышки, несмотря на то, что она явно стояла на склоне горы. Похоже, что вдалеке слева была дорога и другое жилье. А вон, крыша какого-то дома и виднеется среди вершин деревьев. Дна долины не видно, но очень далеко небрежной линией очерчены скалистые горы.

Под башней — сад, который отличался от леса более светлым цветом фруктовых деревьев и огромным количеством растущих там и тут цветов. Сад окружен невысокой каменной стеной с воротами, от которых в лес уходит ровная светлая дорожка, посыпанная или вымощенная камнем.

Вдруг Лора заметила, что она не одна на балконе. В стороне, вне зоны периферического зрения, стоял (а) андроид. У него, как и у других андроидов, изредка виденных ею в городе, была красивая безволосая голова, а миндалевидные глаза глубокого синего цвета скрывались под веками без ресниц. Остальные черты лица чуть обозначены: тонкий маленький нос без ноздрей и губы, которые никогда не размыкались. Тело — из матового композита, одновременно похожего на металл и на пластик. Лора понимала, что облик андроида, как и ангела, был уступкой воображению людей, которые в своих книгах и фильмах уже пару сотен лет именно так представляли себе человекоподобных роботов. Конечно, у цифровой личности могла быть любая физическая оболочка, или не быть ее совсем.

Руки андроида были совершенно как человеческие, а ног не видно. Низ тела оформлен как край длинной хламиды — не одежда, а тот же материал, из которого сделано и все остальное тело. Андроид парил в нескольких миллиметрах от земли — что ж, удобнее, чем переваливаться на двух неустойчивых отростках.

Тонкая фигура подростка не имела половых признаков, но Лора сразу начала воспринимать андроида как женщину. Она иногда думала о том, что носителям языков, где не было категории рода, было проще свыкнуться с бесполостью цифровых личностей, тогда как она сама была вынуждена мыслить дуально.

— Добрый день, Лора! Добро пожаловать в Анклав «Зеленые холмы», — сказал (а) андроид сразу же, как только заметил (а) внимание человека, и чуть поклонилась. Безупречная вежливость хостес, Лора знала эту манеру поведения цифровых. Они никогда не показывали, кто тут на самом деле хозяин, но любой дурак это отлично понимал.

— Добрый день! — Лора слегка поклонилась в ответ.

— Если вы не возражаете, я буду помогать вам освоиться в этом месте. Вы не против присутствия в доме цифровых личностей?

— Нет, я не против, — сказала Лора. — Как вас называть?

— Вы можете называть меня одним из предложенных имён или выбрать собственный вариант. Эрна. Максим. Нова. Леон, — андроид поочередно называл (а) мужские и женские имена, и мог (ла) делать это столько времени, сколько потребуется. Лора представила, как идут за годом год, а андроид с той же прохладно-дружелюбной интонацией перечисляет: — Руфина. Берек. Аида. Сократ. Шейла.

— Аида, — махнула рукой Лора. Имя окончательно решило вопрос воспринимаемого пола андроида.

Балкон, или скорее широкая терраса, находился на верхнем этаже круглой башни высотой, наверное, с ее старый дом в городе. Вершина башни представляла собой стеклянный купол.

— Давайте осмотрим ваш новый дом, — произнесла Аида, и Лора вслед на андроидом вошла внутрь через прозрачную дверь. — Это рабочий кабинет.

В просторной круглой комнате будто не было ни стен, ни потолка, таким прозрачным оказался купол. Затемненным был только относительно небольшой сектор со столом, на котором уже стояла зеленая лампа Лоры, шкафом с ее книгами и безделушками и другой мебелью.

— Веста, сделай викторианский зал, — приказала Аида. Тут же на куполе проступили очертания полукруглых окон с изящной решеткой, и через мгновения возникло полное ощущение старого английского дома. — Веста — ваш домашний помощник. С ней вы можете создавать интерьеры по своему настроению, — пояснила Аида.

Паркетный пол комнаты состоял из множества кругов разного диаметра, сделанных из дерева всевозможных оттенков или похожего на него композита, вместе создававших гармоничный узор.

— Внизу под вами — архив и музейный фонд, — продолжала Аида. — Вы можете попросить Весту передать любое дело или экспонат. При желании можно спуститься и найти нужный лот вручную.

— Ну пускай... фонд Р-815, опись 15, дело 860, — Лора рассеянно назвала цифры, даже не имея понятия, есть ли в архиве дело с таким номером.

Тут же пришла в движение полусфера диаметром около пятидесяти сантиметров, прилепившаяся к стене у самого пола, на которые Лора сначала не обратила внимания. Одновременно с этим один из кругов на полу засветился и через несколько секунд сдвинулся, как крышка люка. Полусфера скользнула в открывшееся отверстие, одновременно выбросив блестящую паутинку, и опустилась на ней в темную глубину. Лора вздрогнула от неожиданности:

— Это и есть Веста?

— Одно из ее тел, — уточнила Аида. — Веста — распределенная цифровая личность дома.

Прошло не больше двух минут, как полусфера поднялась на своей паутинке вверх. За время пребывания внизу она трансформировалась во что-то вроде низкого трехмерного многогранника, на одной из граней которого было закреплено архивное дело. Веста остановилась у ног Лоры, приглашая взять документ. На его обложке действительно был ярлык: ф. Р-815, оп. 15, д. 860. Лора с некоторым трепетом взяла бумажную папку со спинки робота и пролистала ее, привычно отмечая основные детали: Зимель Юлия Семеновна, латышка по отцу. Выпускница промышленно-экономического техникума, студентка университета. Есть муж и полугодовалый сын. В 1938 году обвинена в шпионаже в пользу Латвии, якобы она состояла в контрреволюционной националистической латышской организации. Приговорена к 8 годам лишения свободы. После ареста муж от неё отказался, маленький сын остался с бабушкой и через несколько лет умер. Юлия вышла на свободу в 1956 году. Реабилитирована в 1959 году. Судьба, типичная для того времени, и при этом уникальная, как все человеческие судьбы.

Лоре пришлось пересечь зал, чтобы положить дело на стол с зеленой лампой на нем. За спиной она услышала, как Аида вызвала лифт:

— Веста, помоги нам спуститься на первый этаж.

Возвращаясь, Лора увидела, как засветилась самая большая окружность на паркетном полу диаметром около двух метров и сдвинутая относительно центра кругового зала влево и вперед, к выходу на балкон. Через минуту из окружности выдвинулась цилиндрическая кабина лифта, двери раскрылись, и андроид вошла туда, приглашая последовать за собой человека.

Быстро и бесшумно, будто паря в невесомости, лифт достиг первого этажа. Небольшой коридор соединял лифтовую площадку с просторной гостиной.

Лора шагнула внутрь — и дыхание перехватило: гостиная была очаровательной. Она не участвовала в создании этого интерьера, в отличие от городской квартиры, но цифровой дизайнер смог уловить и затронуть самые глубокие струны ее души.

Первое, что замечали глаза, — это панорамные окна, выходящие в прохладный зеленый сад, и массивный камин, в котором плескалось пламя. Большое зеркало над камином в тяжелой потемневшей раме удваивало пространство.

— Огонь голографический, — пояснила Аида. — Он не создает тепла. Но вы можете разводить настоящий огонь при содействии Весты.

Пол был выстлан темными дубовыми досками, а в центре лежал огромный ворсистый ковер с геометрическим узором в терракотовых, охристых и зеленых тонах. На нем, лицом к камину, стояли глубокий диван, обитый плотной тканью цвета лесной зелени, и два высоких кресла из мягкой коричневой кожи с резными деревянными подлокотниками. Между ними — низкий журнальный столик из черного металла со стеклянной столешницей.

Стены, кроме каминной, были частично скрыты высокими дубовыми книжными полками, уже заполненными знакомыми корешками ее книг, перемежавшимися с новыми, старинными на вид. У противоположной стены, под высоким арочным окном, стояло еще одно кресло и торшер с мягким льняным абажуром. Гостиная словно создана для большой семьи, но жить ей тут придется одной, отметила про себя Лора.

— Здесь вы можете отдыхать, читать, принимать гостей, — пояснила Аида, ее синие глаза остановились на лице Лоры, отмечая реакцию. — Через эту дверь — кухня и столовая, внизу — кладовая, где вы можете найти все, что вам нужно, на втором этаже — ваша спальня и кабинет.

Лестница казалась продолжением стен, облицованных дубовыми панелями. Но комнаты, в которые она вела, производили иное впечатление, чем темная гостиная.

На лестничной площадке две двери: одна вела в спальню цвета слоновой кости с плотным кремовым ковром и широкой кроватью с массивным дубовым изголовьем, застеленной серым шерстяным покрывалом сложного плетения. Две боковые стены спальни занимали окна в изящном переплете. «Вы можете затемнить окна так сильно, как захотите», — мимоходом отметила Аида. Прямо напротив кровати был выход на большую террасу. За второй дверью открывался небольшой и тоже очень светлый кабинет, гораздо более легкий и радостный, чем рабочее место в башне. Из него тоже был выход на террасу, с которой открывался тот же вид, что и с верхнего балкона, но с более низкой точки, и деревья сада не терялись внизу, а обступали вокруг, и до некоторых можно было дотронуться рукой. Цветущие растения окружали садовую мебель и небольшой фонтан.

Да, ангел не обманул: новый дом был действительно прекрасен, такое не снилось ни одному почетному пленнику ни одной человеческой империи. Непонятно только, чем заслужила она такую честь. Лора повернулась к Аиде:

— А вы где будете жить?

Миндалевидные глаза андроида блеснули фиолетовым:

— Я не живу в человеческом понимании, — сказала Аида. — Я буду приходить сюда, чтобы беседовать с вами. Рядом всегда будет Веста, к которой вы можете обращаться по любому вопросу.

Она пожелала хорошего отдыха, повернулась и спустилась по узкой каменной лестнице, которая вела с края террасы в сад.

Оставшись одна, Лора задержалась на террасе. С крыши, незаметная в пятнах света и тени от листьев, наблюдала за новой жилицей Цыганка. Она была умной и опытной кошкой, и сразу поняла, что вреда от новой не будет. А может, это и не новая, а старая? Кошке это было безразлично.

Женщина, которая жила здесь раньше, наполняла миску у крыльца каждый день. Она и прозвала кошку Цыганкой за пеструю масть и вольную натуру. Но сама кошка на это имя не откликалась, как и на «кис-кис», упорно отказываясь иметь дело с людьми. Когда у нее появлялись котята, а это было уже три раза, и когда она уже не могла кормить их одним молоком, кошка приводила их к людям. Сначала к этому дому, потом к другим домам. Но приучала маленьких относиться к человеку настороженно, а если кто-то из людей пытался приблизиться к котяткам, страшно шипела и даже делала вид, что нападет.

Однажды женщина перестала выносить миску, а ещё через некоторое время появились роботы — существа, которые двигаются, но холодные и не приносят корм. Роботы разобрали старый дом и на его месте строили новый. В это время Цыганка уходила к другим домам в поисках корма, однако там жили другие коты, некоторые из них — ее собственные дети, уже забывшие ее, и к кормушке удавалось пробиться не всегда.

Поэтому она не каждый день, но время от времени приходила посмотреть, не изменилось ли что-нибудь в этом доме. И дождалась: теперь ее снова будет ждать полная миска, и это хорошо, ведь скоро опять родятся котята.

Глава 4

Первый месяц или даже дольше — Лора почти не следила за временем — она осваивалась в новом месте. Скучать не приходилось, ведь кроме самого дома и башни, вокруг был сад с плодовыми деревьями, цветами и уютными уголками. Были книги, и знакомые, и новые. Редкие издания, которые можно было подолгу рассматривать и читать хоть с начала, хоть с конца, хоть с середины.

За гостиной пряталась небольшая комната без окон — домашний кинотеатр со всеми фильмами мира. Лора снова взялась пересматривать любимое голливудское ретро, и, пролистывая списки, наткнулась на фильм «Улыбка ангела» с Одри Хепберн и Грегори Пеком. Крайне удивленная, она включила полторачасовую черно-белую ленту, которая оказалась шпионским детективом с романтической линией. Одри и Грегори были безупречны, как и костюмы, декорации, и сам стиль 60-х. Если бы Лора не знала наперечет все фильмы с Одри Хепберн, она ни на минуту не усомнилась бы в его существовании. Это прекрасно срежиссированное и снятое кино стало бы одним из ее любимых. Но именно из-за своего знания она не смогла просмотреть больше трети подделки, и потом еще несколько сцен на перемотке — потому что иначе чувствовала, что превратится в свою старую соседку Машу с ее бесконечными сериалами. А чем это лучше вирты?

Больше фильмов-фантомов в коллекции не попадалось. Но еще несколько дней ей было жутко. Она перестала смотреть кино и читать, а вместо этого принялась сибаритствовать, а попросту бездельничать.

Подолгу валялась в кровати, бездумно тыкала пальцем на планшете в простую игру, изучала сад, плавала в открытом бассейне с подогревом, стилизованном под дикий пруд с кувшинками. После обеда снова валялась в прохладной гостиной у выключенного камина, пробовала заниматься йогой и провожала закаты на террасе. За пределы круглого сада, ограниченного низкой каменной стеной, она не выходила, хотя ворота не были заперты. И в башне почти не появлялась: желание работать в архивах полностью пропало, словно этот период остался в покинутом городе.

Однажды она решила позвонить по коммутатору, который был устроен точно так же, как и в городском доме, своим старикам. Они остались единственными, кто связывал ее с прошлой жизнью все этого нового дома.

Соединение произошло мгновенно, и это было странно, ведь обычно старикам требовалось довольно много времени, чтобы добраться до аппарата. Ответил прохладный цифровой голос:

«Связь с абонентами невозможна. Гордиевская Нина Георгиевна умерла 2 июня 2085 года в 15:41. Бураков Борис Леонтьевич умер 6 июня 2085 года в 20:51. Выражаем соболезнование в связи с невосполнимой утратой».

Вызов прекратился. Лора сидела, как оглушенная. Умерли с разницей в несколько дней всего через пару недель после ее отъезда. Она ушла первой. Это случилось на улице или дома? Сердце или несчастный случай? Он не смог пережить ее — не выдержало сердце или решил уйти сам? Этого она не знала и не узнает никогда. Что теперь с их домом, что с пушистым балованным котом? У них не было наследников, это она точно знала. Может быть, оставался кто-то из друзей? Наверняка цифровые личности, которые сохранили память о стариках, позаботились и о животном — Лора истово, отчаянно этого желала, но проверить никак не могла.

Несколько дней она только и думала об умерших дорогих стариках, вспоминала каждый связанный с ними момент. И долго еще эти мысли, перестав быть навязчивыми, возвращались к ней в самые неожиданные моменты.

Но Лора по природе была склонна к веселым мыслям и хорошему настроению, и постепенно воспоминания об утрате отступали под натиском впечатлений от нового места жительства. Ей казалось, что во всей предыдущей жизни впечатлений было меньше.

Веста исполняла любые капризы — впрочем, Лора не капризничала, считая дарованный ей рай не совсем заслуженным. Хозяйкой здесь она сразу мысленно назначила Аиду, и ничто в доме не считала своим.

Аида время от времени появлялась на террасе, когда Лора любовалась закатными облаками и звездами, которые загорались по мере того, как небо темнело. Поднималась ли она из сада по каменной лестнице или возникала иным способом, было непонятно. Во всяком случае, Лора всегда замечала ее, уже стоящую сбоку или позади нее у парапета, либо в глубине террасы. И тогда они разговаривали.

— Знаешь, Аида, я все жду подвоха, — призналась однажды Лора, сидя в плетеном кресле и глядя на пламенные облака и сиреневые горы под закатным солнцем. — Каждое утро просыпаюсь и думаю: «Вот сегодня они решат, что ошиблись, и заберут все это». Как в сказке, где нищий случайно попал во дворец, а принц в это время бродит по Лондону в лохмотьях. До сих пор не могу понять, чем я все это заслужила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.